

СКРЫТЫЙ ИСТОРИЗМ РАННЕЙ ЭСТЕТИКИ
И ФИЛОСОФИИ М.М. БАХТИНА

У статті розглядається концепція кризи авторства, започаткована М.М.Бахтіним в його праці «Автор і герой в естетичній діяльності». Філософія, естетики й теорія автора раннього Бахтіна спираються на трансцендентально-феноменологічні передумови й у цілому поза історичні, але містять приховані історичні моменти. Саме в концепції кризи авторства ця прихована історичність стає явною, що провіщує подальшу еволюцію філософської і наукової позиції Бахтіна.

Ключові слова: автор-творець, криза авторства, трансцендентальна філософія, феноменологічний метод, історичність.

В статье рассматривается концепция кризиса авторства, введенная М.М. Бахтиным в его работе «Автор и герой в эстетической деятельности». Философия, эстетика и теория автора раннего Бахтина опираются на трансцендентально-феноменологические предпосылки и в целом внеисторичны, но содержат скрытые исторические моменты. Именно в концепции кризиса авторства эта скрытая историчность становится явной, предвосхищая дальнейшую эволюцию философской и научной позиции Бахтина.

Ключевые слова: автор-творец, кризис авторства, трансцендентальная философия, феноменологический метод, историчность.

The article deals with the concept of the authorship's crisis introduced by M.M. Bakhtin in his work "Author and Hero in Aesthetic Activity". Bakhtin's early philosophy, aesthetics and theory of author are based on transcendental and phenomenological principles and generally non-historical but contain latent historical moments. It is the concept of the authorship's crisis that reveals this hidden historicity anticipating further evolution of Bakhtin's philosophic and scientific position.

Key-words: author-creator, authorship's crisis, transcendental philosophy, phenomenological method, historicity.

Теория автора, «автора-творца», изложенная в работе Михаила Михайловича Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности»¹ - в определенном смысле единственная теория автора в точном значении этого понятия. Речь идет о чистоте, развернутости и обоснованности теоретического подхода. Бахтин создал теоретическое понятие автора, т. е. понятие автора как теоретической величины, отдельной от действительного автора-человека, не тождественной при этом тексту и контексту. Это понятие выведено, опираясь на феноменологический метод² и первую философию Бахтина, представленную в тексте © Юдін О.А., 2013

¹ В дальнейшем в тексте АГ.

² Первым на это обратил внимание С. Г. Бочаров, отметив, что Бахтин совершил «поворот от философской критики начала столетия к структурно-генетическому рассмотрению» [1, 72].

«К философии поступка»³. Это попытка описать закономерность творческого события, отличную от психологии человека-творца, и одновременно такую, которая не описана в тексте, хотя может быть из него вычитана, опираясь на теоретические посылки. «Автор-творец» Бахтина – исток произведения, объяснение его происхождения, отличное от сугубо исторического, объяснение, которое не является обобщением эмпирических фактов. Эта ситуация и отвечает наилучшим образом понятию теории. Неудивительно поэтому, что ни одна дискуссия вокруг понятия авторства не обходится без обращения к бахтинскому понятию.

Однако сам же Бахтин проблематизировал созданное им понятие автора в последнем разделе *АГ*, который так и называется «Проблема автора». Таким образом, уместно задать вопросом: не предстает ли бахтинская теория автора одновременно как теория конца автора?

По нашему мнению, концепция кризиса авторства вступает в противоречие с теоретическим понятием автора-творца, поскольку последнее сформулировано как внеисторическое в силу некоторой зависимости философских посылок Бахтина от традиции трансцендентальной философии. Напротив, кризис авторства – концепция историческая. Более того, она обнаруживает скрытый историзм философской и научной позиции Бахтина и предвосхищает его дальнейшую философскую эволюцию и преодоление трансцендентализма. Для того чтобы обосновать этот тезис, необходимо обратиться к рассмотрению собственно философской эволюции Бахтина и в особенности отравной философской позиции, изложенной в *ФП*.

Ретроспективное рассмотрение пути философской мысли ученого обнаруживает, что Бахтин двигался в направлении, параллельном пути западной философии: преодолевая субъект-объектный подход, свойственный западной философии нового времени – отталкиваясь от философии сознания и переходя к философии бытия, а затем к философии языка, которая выступает одновременно как герменевтика и философия культуры. К сожалению, ученый не оставил специального изложения своей философии культуры. Все тексты методологического характера позднего периода имеют конспективный характер: «К философским основам гуманитарных наук», «Проблема текста», записи разных лет и «Ответ на вопросы и редакции «Нового мира»». Тем не менее философия культуры как финальная философская позиция Бахтина в них явлена достаточно четко, в частности, в отношении литературоведения и истории литературы в последнем из них.

Достоин удивления то, что, во-первых, Бахтин двигался по этому пути с некоторым опережением философской эволюции Запада, а во-вторых, он прошел путь, который в западном философском ландшафте укладывается в несколько биографий наиболее известных фигур⁴.

Обе названных работы Бахтина фактически являются незавершенными, поскольку уцелели в таком виде. Сам Бахтин, как известно, не делал попыток их опубликовать,

³ Далее в тексте *ФП*.

⁴ Э. Ю. Соловьев отмечал, что «если бы труд «К философии поступка» увидел свет в 20-х годах (а не в 1986 году, как это случилось в действительности) то это, возможно, привело б к форсированному развитию всего герменевтического направления в Западной Европе еще в предвоенный период» [3, 338].

и обе не были напечатаны при его жизни. Дело, прежде всего, в биографическом обстоятельстве. Тем не менее можно видеть, что понятийный аппарат, разработанный Бахтиным в *ФП*, не обнаруживает себя непосредственно в его последующих исследованиях. Понятия «события бытия», «архитектоники события бытия» не появляются и не дают о себе знать как методологические опоры в его более поздних текстах. Можно решиться на утверждение, что, *если бы эти тексты остались неизвестными, реконструировать изложенную в них философию как методологию таких исследований, как «Проблемы поэтики Достоевского» и особенно «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», было бы невозможно.*

Таким образом, объективная тенденция, проявившаяся в философском развитии Бахтина, заключается в переходе от феноменологии сознания к феноменологии бытия и далее в обнаружении недостаточности непосредственного описания бытия, а отсюда, в переходе к герменевтически ориентированной философии, т. е. философии, которая учитывает опосредованность любого феноменологического описания измерением языка⁵.

В *ФП* Бахтин, несколько повторяя ход мысли Гуссерля в направлении к понятию intersубъективности (в смысле перехода от абсолютной достоверности моего переживания бытия к множеству ценностных центров), но уже как философ бытия (события бытия), устанавливается на позиции первичности мира поступка, т. е. первичности отношения я и другого (других). Следовательно, у Бахтина намечается понимание intersубъективности как первичной реальности, что позднее получит свое развитие в теории диалогичности сознания и диалогизма как фундаментального принципа существования культуры вообще⁶.

Таков итог первой философии (или онтологии) Бахтина, который она передает другим наукам (разумеется, гуманитарным, поскольку они касаются человека и мира людей, а не природы), в частности, эстетике, которая в то же время есть теория автора. Это означает, что любая гуманитарная наука должна быть конкретизацией архитектоники события бытия, и в ней должны присутствовать устойчивые ее моменты – я и другой. Именно на этих основаниях и построена эстетика Бахтина в *АГ*.

Хотя Бахтин нигде не употребляет понятие феноменологической редукции, можно сказать, что архитектоника события бытия в *ФП* получена именно в феноменологической редукции в том смысле, что это фундаментальное бытийное отношение я и другого предшествует любым культурным содержаниям. Все культурные и религиозные ценности – переменчивы, и только это отношение, а также сознание уникальности своего места в бытии, своей ответственности за поступок (неалиби-в-бытии), остаются нерушимыми. Все эти моменты составляют, если прибегать к классической терминологии, онтологическое априори и являются непосредственно данными.

Тем самым архитектоника события бытия обнаруживает определенную меру зависимости философской позиции Бахтина от традиции западной метафизики с ее пониманием

⁵ Наиболее близкой параллелью Бахтину в этом отношении является Хайдеггер, прошедший путь от феноменологии бытия к герменевтике бытия.

⁶ Однако в самой *ФП* этот коммуникативный идеал пока отсутствует и содержится лишь в зародыше в понятии ответственности. Опять же свидетельство переходности философской позиции раннего Бахтина.

бытия как непосредственной данности. Выведение их за рамки культуры, утверждение их дотеоретичности обусловлено полаганием на феноменологический метод и присущей ему иллюзией возможности получения непосредственных феноменологических данных. Выдвигая принципиально нетеоретическое, или дотеоретическое понятие события бытия, Бахтин занимает критическую позицию в отношении всей традиции западной философии, но не феноменологического метода⁷. Вся работа *ФП* (а также *АГ*) пронизаны доверием к феноменологическому методу. И хотя в *ФП* содержится проницательная критика понятия трансцендентально субъекта, однако сама постановка вопроса остается свойственной трансцендентальной философии.

Отправной точкой бахтинской философии является оппозиция жизни и культуры (заимствованная у Георга Зиммеля), в которой первое расплывчатое понятие Бахтин заменяет более точным – бытие-событие. Оговоримся, что про культуру у Бахтина идет речь лишь в смысле культурных дискурсов (точнее даже, типов мышления), а не культурных институтов, сообществ или практик. И все типы культурного дискурса противопоставляются событию бытия, т. е. переживанию события бытия – в том числе и исторический дискурс.

«Общим моментом дискурсивного теоретического мышления (естественно-научного и философского), исторического изображения-описания и эстетической интуиции, важным для нашей задачи, является следующее. Все названные деятельности устанавливают принципиальный раскол между содержанием-смыслом данного акта-деятельности и исторической действительностью его бытия, его действительной единственной переживаемостью, вследствие чего этот акт и теряет свою ценность и единство живого становления и самоопределения. Истинно реален, причастен единственному бытию-событию только этот акт в *его целом*... он приобщен единственному единству свершающегося бытия» [1, 7] (Курсив мой. – А.Ю.).

Легко видеть, что понятие «исторического» тут употребляется в противоположных значениях. С одной стороны, «исторические изображение-описание» принадлежит к дискурсивному теоретическому мышлению. С другой стороны, Бахтин, в поисках наиболее точного определения единственного переживания, которое принадлежит событию бытия и имеет якобы дотеоретический характер, также прибегает к понятию «исторической действительности». Т. е. для того чтобы определить единую единственность бытия-события, необходимо понятие историчности. Иными словами, переживание своего бытия как единственного и неповторимого, а следовательно, и сознание долженствования, или неалиби-в-бытии, не могут получить свое определение как таковые *без опосредования историческим дискурсом*. Историческое знание, восприятие мира как развивающейся истории всегда уже настроено в переживание события бытия как единственного и, в конечном счете, как открытого. По Бахтину, событие бытия объемлет все теоретические миры, т. е. они «вложены» в акт сознания субъекта, что, соответственно, предполагает возможность их обратного абстрагирования из этого акта без остатка [1, 13]. Однако, как видим, сам этот акт сознания, выведенный Бахтиным за скобки культуры и непосред-

⁷ О связи Бахтина с феноменологией писали многие. Но критическое отношение здесь редкость. И только у одного исследователя мы встретили замечание о неспособности Бахтина «отстраниться от феноменологии» [4, 76].

ственно отнесенный к событию бытия, встроен в исторический нарратив, без которого он не может самоопределиваться. Понятие бытия не есть непосредственная данность (или даже «заданность», ведь, по Бахтину, мир, событие бытия – единство данного и заданного), а именно понятие, обусловленное понимание мира как истории, историческим нарративом.

Именно здесь впервые проявляется скрытый историзм мышления Бахтина. Более детальный анализ может обнаружить, что бахтинская первая философия, по сути, является также скрытой социологией, или по меньшей мере философией культуры. (Этот вектор реализуется впоследствии в философском развитии Бахтина.)

В отличие от сугубо философской *ФП*, которая имеет дело почти исключительно с умозрительным измерением, текст *АГ*, в котором эстетика совпадает с теорией автора и переходит в теорию литературы, по своему содержанию неизбежно охватывает значительный эмпирический материал. Поэтому если противоречивость некоторых положений философии Бахтина можно обнаружить только с помощью логического анализа, то в эстетике эта противоречивость методологии обнаруживается уже в столкновении с эмпирическим материалом. Прежде всего это касается краеугольного понятия автора-творца. В нем в наибольшей степени проявляется некоторая философская зависимость Бахтина от классической философии субъекта (которая будет преодолена в последующих его работах).

Автор у Бахтина, как и его субъект поступка, вынесен за скобки культуры и исторической действительности. Эстетическая деятельность автора происходит не в культуре, а в бытии (в событии бытия).

В самом тексте *АГ* понятие автора предстает как *предельное*, как последний и самый глубокий фундамент всей эстетической деятельности, фундамент литературы и искусства вообще. Можно сказать, что вся эстетическая деятельность и весь ее смысл, по крайней мере в общей постановке вопроса, присваивается автору-творцу. Таким образом, он выступает своеобразным вариантом понятия трансцендентального субъекта в эстетике (хотя в области философии и науки Бахтин отчасти подвергает его критике [1, 11]).

Бахтин непосредственно выводит эстетическое отношение автора и героя из этического отношения я и другого в событии бытия [1, 98]. Следовательно, эстетическая деятельность предстает как решающим образом обусловленная онтологическим различием между я и другим, привилегированным видением – «в этом моя архитектурная привилегия» [1, 118] - в отношении другого. В переходе от события бытия к эстетическому событию в полной мере сохраняется внеисторическая трансцендентально-феноменологическая позиция. Эстетический процесс полностью выводится из сознания и ограничивается сознанием. Область эстетического конституируется исключительно сменой установки сознания.

Постулируется «прямо отношение автора к герою», а уже на его основе выявляются и анализируются разные виды «отклонений» от этой нормы [1, 97-102]. Иными словами, эстетический идеал обнаруживает определенную ограничительную функцию. Однако это ограничение приводит к ограничению использования понятия автора-творца, которое анализирует сам Бахтин в заключительной части *АГ*, посвященной кризису авторства. Так, если в начале работы Бахтин абсолютизирует значение трансгредиентного

фона и внешней позиции автора для любого героя [1, 98-99], то в заключительном разделе, размышляя о кризисе авторства, он высказывает мысль о «разложении всех устойчивых трансгредиентных форм» (в частности, в прозе «от Достоевского до Белого») [1, 258].

Во всех положениях философии и эстетики сохраняется трансцендентально-феноменологическая постановка вопроса. Но концепция кризиса авторства – первое чисто историческое понятие.

Как уже отмечалось, Бахтин первым создал теорию автора именно как теорию и первым (почти за полстолетия до Барта и Фуко) проблематизировал теоретическое понятие автора, выдвинув тезис о кризисе авторства. К сожалению, это интереснейшее теоретическое положение изложено очень сжато и даже просто конспективно. Кризис автора предстает у Бахтина как современное ему явление, и он выделяет три направления, в которых, по его мнению, оно может пойти. Первое («пересмотр самого места искусства в целом культуры, в событии бытия») и третье (позиция венаходимости переходит в этическую позицию) описаны очень кратко и недостаточно для уверенной интерпретации в плане соотнесения с конкретными историческими фактами, а их экспликация может быть лишь гипотетичной. Зато второе направление очерчено более подробно и даже с некоторыми указаниями на конкретные историко-литературные факты, что облегчает его анализ. В частности, кризис заключается в следующем: «Расшатывается и представляется несущественной самая позиция венаходимости, у автора оспаривается право быть вне жизни и завершать ее. Начинается разложение всех устойчивых трансгредиентных форм (прежде всего в прозе от Достоевского до Белого...); жизнь становится понятной и событийно весомой только изнутри, только там, где я переживаю ее как я, в форме отношения к себе самому, в ценностных категориях моего я-для-себя... развивается глубокое недоверие ко всякой венаходимости (связанная с этим в религии имманентизация бога, психологизация и бога и религии, непонимание церкви как учреждения внешнего, вообще переоценка всего изнутри-внутреннего)» [1, 258].

Таким образом, кризис авторства предстает как *исторический* феномен. В частности, об этом свидетельствуют указания на прозу Достоевского, которое позднее переросло в историческую в своей основе теорию полифонического романа, и на процессы вокруг религии и церкви также исторические по своей природе. Историчность кризиса автора, а следовательно, его обусловленность культурными процессами, не согласуется с внеисторическим понятием автора-творца. Кризис автора – объективное явление, а не сугубо внутреннее, присущее искусству, не инициатива самого автора. Автор не отказывается от позиции венахождения, а вынужден переходить в категорию я-для-себя («Жизнь стремится забиться вовнутрь себя, уйти в свою внутреннюю бесконечность...») в смысле реакции на внешнюю культурную ситуацию: «у автора оспаривается право быть вне жизни и завершать ее». Итак, речь идет о правовом моменте, это правовой кризис, т. е. кризис легитимности, или признания, авторской позиции, кризис доверия к автору, что указывает на кризис источников завершения жизни, кризис сверхиндивидуальных ценностей, обеспечивающих авторитетность авторской позиции. Авторство как деятельность завершения, с одной стороны, - индивидуально ответственное действие, а с другой стороны, обусловлено сверхиндивидуальными источниками авторитетности. Авторство и авторитет выступают тесно связанными понятиями в бахтинской эстетике.

В этом смысле кризис авторства, по сути, общественный феномен, что опять же указывает на скрытую внутреннюю социальность категории автора-творца. Автор-творец не есть свойство, присущее отдельному я, установка сознания и только, а прежде всего – общественное отношение.

Таким образом, вводя концепцию кризиса авторства, Бахтин, по сути, переходит от трансцендентально-феноменологического подхода в анализе искусства и, шире, феноменов культуры – к историческому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений : В 7-ми т. – М. : Издательство русские словари; Языки славянской культуры. – Т. 1 : Философская эстетика 1920-х годов, 2003. – 960 с.
2. Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 632 с.
3. Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас: очерки по истории философии и культуры. – М.: Политиздат, 1991. – 432 с.
4. Landmark Essays on Bakhtin, Rhetoric, and Writing / ed. by Frank Farmer. – Hermagoras Press, Lawrence Erlbaum Associates, 1998. – 260 p.

УДК 811.161.2' 373 : 811.111'373

*Бізун В.П.
(Київ, Україна)*

СЕМАНТИЧНИЙ ОБСЯГ КОРЕЛЯТИВ "ВІК" ТА "AGE" В УКРАЇНСЬКІЙ ТА АНГЛІЙСЬКІЙ МОВАХ

Стаття присвячена розгляду семантичного обсягу корелятивів ВІК та AGE в українській та англійській мовах. Здійснюється компонентний аналіз даних лексичних одиниць та лексико-семантичної групи ЛЮДИ ПЕВНОГО ВІКУ в зазначених мовах.

Ключові слова: *лексична одиниця, семантичний обсяг, компонентний аналіз, семантична структура, стереотип.*

Статья посвящена рассмотрению семантического объема коррелятивов ВІК и AGE в украинском и английском языках. Проводится компонентный анализ данных лексических единиц и лексико-семантической группы ЛЮДИ ОПРЕДЕЛЕННОГО ВОЗРАСТА в указанных языках.

Ключевые слова: *лексическая единица, семантический объем, компонентный анализ, семантическая структура, стереотип.*

The article deals with semantic volume of the correlating units ВІК and AGE in the Ukrainian and the English languages. The given lexical units and the lexical-semantic group PEOPLE OF A SPECIFIED AGE are analysed in terms of their semantic structures.

Key words: *lexical unit, semantic volume, componential analysis, semantic structure, stereotype.*